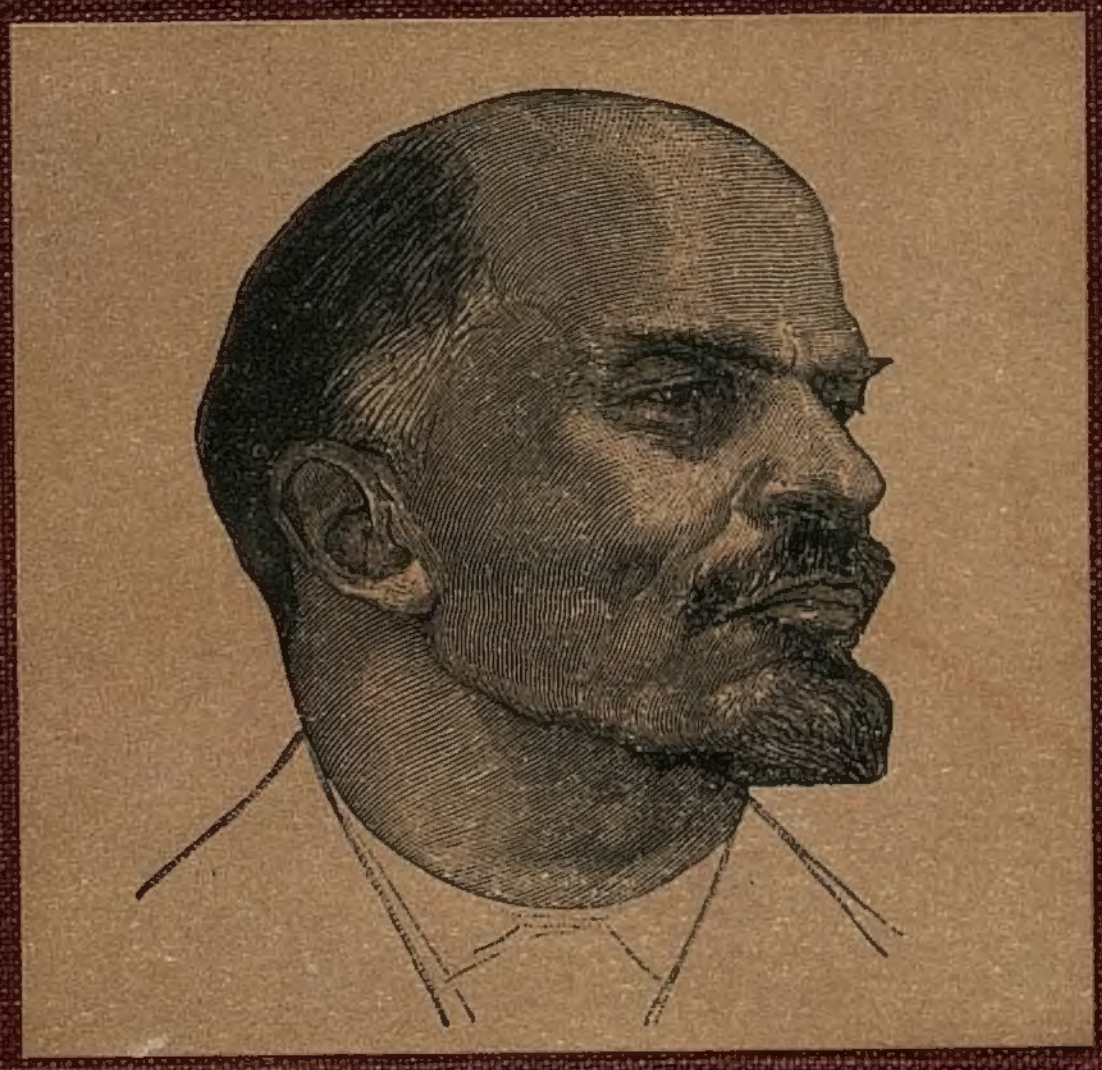


В. МАЯКОВСКИЙ

ОДЕЯНИЕ

8
М-39

В. МАЯКОВСКИЙ

О ЛЕНИНЕ

67180
Правительственная библиотека СССР.—РСФСР.
88081798 Б-ка АП РФ

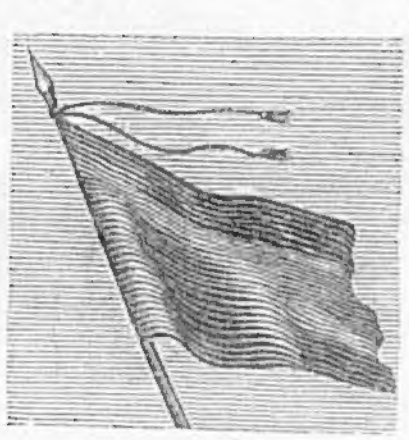
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА 1939

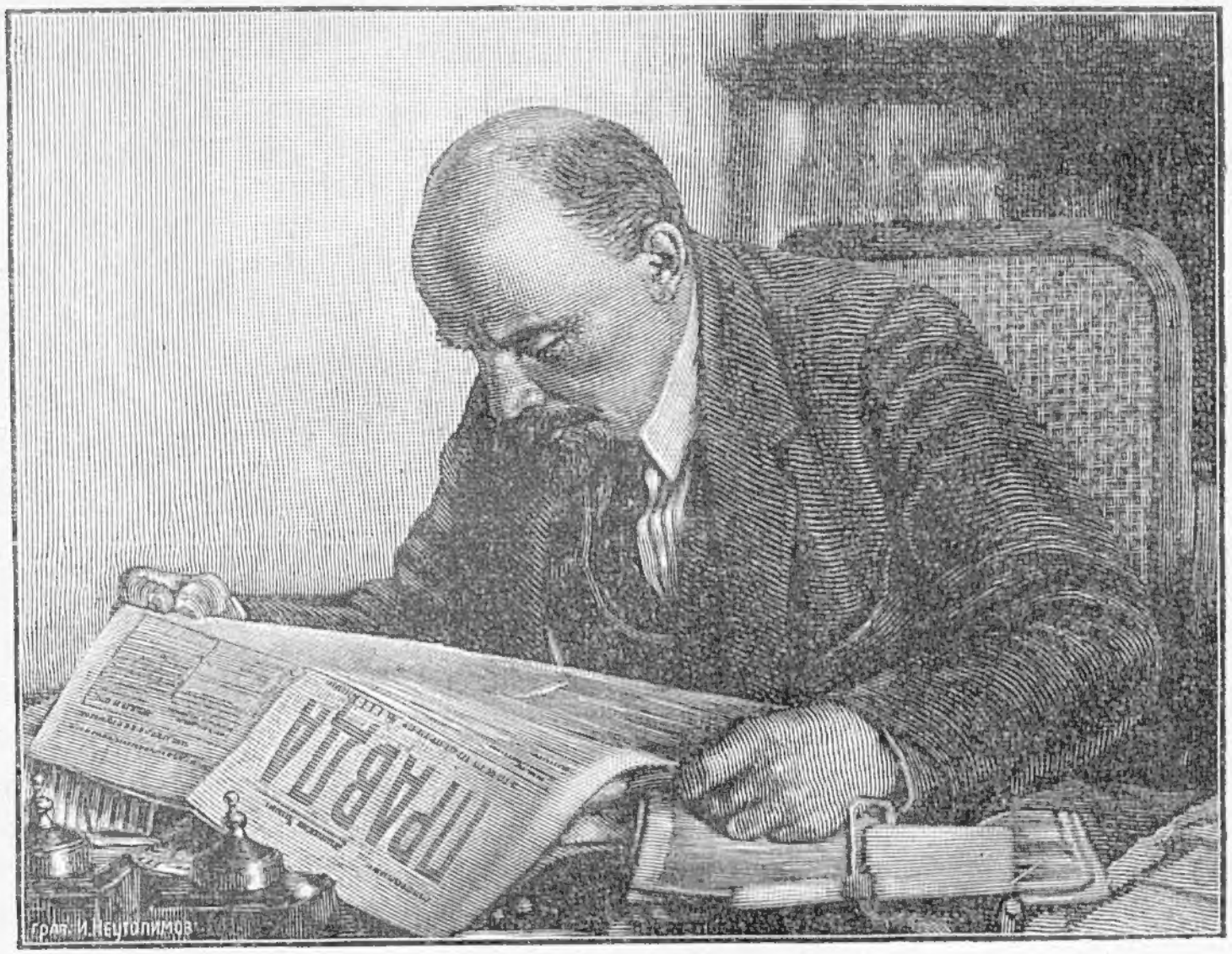
V

Российской коммунистической
партии посвящаю.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
Л Е Н И Н

П О Э М А





Время —
начинаю
про Ленина рассказ.
Но не потому,
что горя
нету более, —
время
потому,
что резкая тоска
стала ясною,
осознанною болью.

Время,
снова
ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
растекаться
слезной лужею?
Ленин
и теперь
живее всех живых.
Наше знанье —
сила
и оружие.

I

Люди — лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,
Много всяких
грязных ракушек
налипает
нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозленную,
сядешь,
чтобы солнце близ,
и счищаешь
водорослей
бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб

настоящий,
мудрый,
человечий,
ленинский,
огромный лоб.
Я боюсь,
чтоб шествия
и мавзолеи,
поклонений
установленный статут,
не залили б
приторным елеем
ленинскую
простоту.
За него дрожу,
как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
не был
красотой оболган.
Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату долга.

★

Вся Москва.
Промерзшая земля
дрожит от гуда.
Над кострами
обмороженные с ночи.
Что он сделал?
Кто он
и откуда?
Почему
ему
такая почесть?
Слово за̀ словом
из памяти таская,

не скажу
ни одному —
на место сядь.
Как бедна
у мира
слова мастерская!
Подходящее
откуда взять?
У нас
семь дней,
у нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длиннее.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,
мала
календарная мера,
мы говорим —
«эпоха».
мы говорим —
«эра».
Мы
спим
ночь.
Днем
совершаем поступки.
Любим
свою толочь
воду
в своей ступке.
А если
за всех смог

направлять
потоки явлений,
мы говорим —
«пророк»,
мы говорим —
«гений».
У нас
претензий нет,
не зовут —
мы и не лезем;
нравимся
своей жене,
и то
довольны до-не́льзя.
Если ж,
телом и духом слит,
прет
на нас непохожий,
шпилим —
«царственный вид»,
удивляемся —
«дар божий».
Скажут так, —
и вышло
ни умно, ни глупо.
Повисят слова
и уплывут, как дымы.
Ничего
не выколупишь
из таких-скорлупок.
Ни рукам,
ни голове не ощутимы.
Как же
Ленина
таким аршином мерить!

Ведь глазами
видел
каждый всяк —
«эра» эта
проходила в двери,
даже
головой
не задевая о косяк.
Неужели
про Ленина тоже:
«вождь
милостью божьей»?
Если б
был он
царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберег,
я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.
Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла с постов сойти Чека.

Сквозь мильоны глаз,
и у меня
сквозь оба,
лишь сосульки слез,
примерзшие
к щекам.

Богу
почести казенные
не новость.
Нет!
Сегодня,
настоящей болью,
сердце, холодей.
Мы
хороним
самого земного
изо всех
прошедших
по земле людей.
Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в свое корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.
Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мыслп
больше нашего
морщинят кожей,
да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.

Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подергивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскою лаской.
Он
к врагу
вставал
железа тверже.
Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы —
перемогал болезни.
Скажем,
мне — бильярд —
отращиваю глаз,
шахматы ему —
они вождям
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведя
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей человечьей диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.

И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
о́тдал?
Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас,
из сёл,
из кожи вон,
из штолен
не шагнет вперед?!
В качке —
будто бы хватил
вина и горя лишку —
инстинктивно
хоронюсь
трамвайной сети.
Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти!

Со знаменами идут
и так.
Похоже —
стала
вновь
Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит,
насквозь прохожен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
Слезы снега
с флажьих
покрасневших век.
Что он сделал?
Кто он
и откуда —
этот
самый человечный человек?

★

Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.
Далеко давным,
годов за двести,

первые
про Ленина
восходят вести.
Слышите —
железный
и лужоный,
прорезая
древние века, —
голос
прадеда
Бромлея и Гужона —
первого паровика?
Капитал
его величество,
некоронованный,
невенчанный,
объявляет
покорённой
силу деревенщины.
Город грабил,
грёб,
грабастал,
глыбил
пуза касс,
а у станков
худой и горбастый
встал
рабочий класс.
И уже
грозил,
взвивая трубы за́ небо:
— Нами
к золоту
пути мости́те.

Мы родим,
пошлем,
придет когда-нибудь
человек —
борец,
каратель,
мститель!
И уже
смешались
облака и дымы,
будто
рядовые
одного полка.
Небеса
становятся двойными,
дымы
забивают облака.
Товары
растут,
меж нищими высясь.
Директор,
лысый чорт,
пощелкал счетами,
буркнул:
«Кризис!» —
и вывесил слово:
«Расчет».
Крапило
сласти
мушиное сéево,
хлебá
зерном
в элеваторах портятся,
а под витринами
всех Елисеевых,

живот подведя,
плелась безработица.
И бурчало
у трущоб в утробе,
покрывая
детворный плачик:
— Под работу,
под винтовку ль,
на —
ладони обе!
Приходи,
заступник
и расплатчик!

★

Эй,
верблюд
открыватель колоний!
Эй,
колонны стальных кораблей!
Марш,
в пустыни,
огня раскаленней!
Пеньте пену,
бумаги белей!
Начинают
черным латàться
оазисы
пальмовых нег.
Вон
среди
золотистых плантаций
засеченный
вымычал негр:

—У-у-у-у-у-у,
у-у-у.
Нил, мой, Нил!
Приплещи
и выплещи
черные дни!
Чтоб чернее были,
чем я во сне,
и пожар чтоб
крови вот этой краснеи.
Чтоб во всем этом кофе,
враз вскипелом,
вариться пузатым —
черным и белым.
Каждый
добытый
слоновый клык —
тык его в мясо,
в сердце тык.
Хоть для правнуков,
не зря чтоб
кровью литься,
выплыви,
заступник солнцелицый.
Я кончаюсь, —
бог смертей
пришел и поманил.
Помни
это заклинанье,
Нил,
мой Нил!
В снегах России,
в бреду Патагонии
расставило
время
станки потогонные.

Ива̀нова уже
у Вознесенска
каменные туши
будоражат
выкрики частушек:
«Эх, завод ты мой, завод,
желтоглазина.
Время нового зовет
Степьку Разина».

☆

Внуки
спросят:
— Что такое капиталист?
Как дети
теперь:
— Что это
г-о-р-о-д-о-в-о-й?..
Для внуков
пишу
в один лист
капитализма
портрет родовой.
Капитализм
в молодые года
был ничего,
деловой паренька:
первый работал —
не боялся тогда,
что у него
от работ
засалится манишка.
Трико феодальное
ему тесно̀!

Лез
не хуже,
чем нынче лезут.
Капитализм
революциями
своей весной
расцвел
и даже
подпевал «Марсельезу».
Машину
он задумал и выдумал.
Люди,
и те — ей!
Он
по вселенной
видимо-невидимо
рабочих расплодил
детей.
Он враз
и царства
и графства сжевал
с коронами их
и с орлами.
Встучнел,
как библейская корова
или вол
облизывается.
Язык—парламент.
С годами
ослабла
мускулов сталь,
он раздобрел
и распух,
такой же,
с течением времени
стал,

как и его гроссбух.
Дворец возвел —
не увидишь такого!

Художник
— не один! —
по стенам поерзал.
Пол ампиристый,
потолок рококовый,
стенки —
Людовика XIV,
Каторза.
Вокруг,
с лицом,
что равно годится
быть и лицом
и ягодицей,
задолицая
полиция.
И краске,
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
и прочая чепуха —
просто —
его женская прислуга.
Его
и раи
и преисподняя —
распродает
старухам

дырки
от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец
и он
перерос себя,
за него
работает раб.
Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух
и обдряб.
Обдряб
и лег
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
Его не объехать,
не обойти,
единственный выход —
взорвать!

★

Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!

Поэзия где ж?
Одна публицистика!!
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.
Строку
агитаторским лозунгом взвей!
Я буду писать
и про то
и про это,
но нынче
не время
любовных ляс.
Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.
Пролетариат —
неуклюже и узко
тому,
кому
коммунизм — западня.
Для нас
это слово —
могучая музыка,
могущая
мертвых
сражаться поднять.

★

Этажи
уже
заёжились дрожа,
клич подвалов
подымается по этажам.
Мы прорвемся
небесам
в распахнутую синь.
Мы пройдем
сквозь каменный колодец.
Будет:
с этих нар
рабочий сын—
пролетариатоводец.
Им
уже
земного шара мало.
И рукой,
отяжелевшей
от колец,
тянется
упитанная
туша капитала
ухватить
чужой горлец.
Идут,
железом
клацая и лацкая.
— Убивайте!
двум буржуям тесно! —
Каждое село —
могила братская,
города́ —
завод протезный.

Кончилось —
столы
накрыли чайные.
Пирогом
победа на столе.
— Слушайте
могил чревовещание,
кастаньеты костылей!
Снова
нас
увидите
в военной явп.
Эту
время
не простит вину.
Он расплещется,
придет он
и объявит
вам
и вашинской войне
войну! —
Вырастают
на земле
слезы́ озёра,
слишком
непролазны
крови топи.
И клонились
одиночки-фантазеры
над решением
немыслимых утопий.
Голову
об жизнь
разбили филантропы.

Разве
путь миллионам —
филантропов тропы?
И уже
бессилен
сам капиталист,
так
его
машина размахалась, —
строй его
несет,
как пожелтелый лист,
кризисов
и забастовок хаос.
— В чей карман
стекаем
золотою лавой?
С кем итти
и на кого пенять? —
Класс миллионоглавый
напрягает глаз —
себя понять.

Время
часы
капитала
крало,
побивая
прожекторов яркость.
Время
родило
брата Карла —
старший
ленинский брат
Маркс.

Маркс!
Встает глазам
седин портретных рама.
Как же
жизнь его
от представлений далека!
Люди
видят
замурованного в мрамор,
гипсом
холодеющего старика.
Но когда
революционной тропкой
первый
делали
рабочие
шажок,
о, какой
невероятной топкой
сердце Маркс
и мысль свою зажег!
Будто сам
в заводе каждом
стоя сто́ймя,
будто
каждый труд
размозоливая лично,
грабящих
прибавочную стоимость
за руку
поймал с поличным.
Где дрожали тельцем,
не вздымая глаз свой
даже
до пупа
биржевика-дельца.

Маркс
повел
разить
войною классовой
золотого,
до быка
доросшего тельца.
Нам казалось —
в коммунизмовы затоны
только
волны случая
закинут
нас,
юля.

★

Маркс
раскрыл
истории законы,
пролетариат
поставил у руля.
Книги Маркса
не набора гранки,
не сухие
цифр столбцы, —
Маркс
рабочего
поставил на́ ноги
и повел
колоннами
стройнее цифр.
Вел
и говорил:
сражаясь лягте,
дело —
корректура
выкладкам ума.

Он придет,
придет
великий практик,
поведет
полями битв,
а не бумаг!
Жерновами дум
последнее меля
и рукой
дописывая восковой,
знаю,
Марксу
виделось
видение Кремля
и коммуны
флаг
над красною Москвой.
Назревали,
зрели дни,
как дыни,
пролетариат
взрослел
и вырос из ребят.
Капиталовы
отвесные твердыни
валом размывают
и дробят.
У каких-нибудь
годов
на расстоянии
сколько гроз
гудит
от нарастаний.

Завершается
восстанием
гнева нарастание,
нарастают
революции
за вспышками восстаний.
Крут
буржуев
озверевший норов.
Тьерами растерзанные,
воя и стеная,
тени прадедов —
парижских коммунаров,
и сейчас
вопят
парижскою стеною:
— Слушайте, товарищи!
Смотрите, братья!
Горе одиночкам —
выучьтесь на нас!
Сообща взрывайте!
Бейте партией!
Кулаком
одним
собрав
рабочий класс. —
Скажут:
«Мы вожди»,
а сами —
шаркунами?
За речами
шкуру
распознать умей;
будет вождь
такой,
что мелочами с нами —

хлеба проще,
рельс прямей.
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий
на рублях колес
землища двигалась.
Капитал
ежом противоречий
рос во-всю
и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил и вновь
маячил в отдаленьи.
По всему поэтому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.

II

Я знал рабочего
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
знал — всё.
Я слышал
рассказ
крестьянина-сибирца.
Отобрали,
отстояли винтовками
и раем
разделали селеньице.
Они не читали
и не слышали Ленина,
но это
были ленинцы.
Я видел горы —
на них
и куст не рос.
Только
тучи
на скалы
упали ничком.
И на сто верст
у единственного горца
лохмотья
сняли
ленинским значком.

Скажут —
это о булавках а́хи.
Барышни их
вкалывают
из кокетливых причуд.
Не булавка вколота —
значком
прожгло рубахи
сердце,
полное
любовью к Ильичу.
Этого
не объяснишь
церковными
славянскими крюками,
и не бог
ему
велел —
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственною головой
прошел он
этот путь.

★

Сверху
взгляд
на Россию брось —
рассинелась речками,
словно
разгулялась
тысяча розг,
словно
плетью исполосована.
Но синей,
чем вода весной,

синяки
Руси крепостной.
Ты
с боков
на Россию глянь —
и куда
глаза ни кинь,
упираются
небу в склянь
горы,
каторги
и рудники.
Но и каторг
больнее была
у фабричных станков
кабала.
Были страны
богатые более,
красивее видал
и умней.
Но земли
с еще большей болью
не довиделось
видеть
мне.
Да, не каждый
удар
сотрешь со щеки.
Крик крепчал:
— Подымайтесь
за землю и волю вы! —
И берутся
бунтовщики-
одиночки
за бомбу
и за револьвер.

Хорошо
в царя
вогнать обойму!
Ну, а если
только пыль
взметнешь у колеса?
Подготовщиком
цареубийства
пойман
брат Ульянова,
народоволец
Александр.
Одного убьешь —
другой
во весь свой пыл
пытками
ушедших
переплюнуть тужится.
И Ульянов
Александр
повешен был
тысячным из шлиссельбуржцев.
И тогда
сказал
Ильич семнадцатпгодовый, —
это слово
крепче клятв
солдатом поднятой руки:
— Брат,
мы здесь
тебя сменить готовы,
победим,
но мы
пойдем путем другим! —

Оглядите памятники —
видите
героев род вы?
Станет Гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой —
чернорабочий,
ежедневный подвиг
на́ плечи себе
взвалил Ильич.
Он вместе
учит в кузничной пасти,
как быть,
чтоб зарплата
взросла пятаком.
Что делать,
если
дерется мастер.
Как быть,
чтоб хозяин
пошл кипятком.
Но не мелочь
целью в конце;
победив,
не стой так
над одной
сметённой лужею.
Социализм — цель.
Капитализм — враг.
Не веник —
винтовка оружие.
Тысячи раз
одно и то же
он вбивает
в тугой слух,

а назавтра
друг в друга вложит
руки
понявших двух.
Вчера — четыре,
сегодня — четыреста.
Тайся,
а завтра
в открытую встанем,
и эти
четыреста
в тысячи вырастут.
Трудящихся мира
подымем восстанием.
Мы уже
не тише вод,
травинок ниже. —
гнев
трудящихся
густится в тучи,
режет
молниями
Ильичевых книжек,
сыплет
градом
прокламаций и летучек.
Бился
об Ленина
темный класс,
тек
от него
в просветленьи,
и, обданный
силой
и мыслями масс.

с классом
рос
Ленин.
И уже
превращается в быль
то,
в чем юношей
Ленин клялся:
— Мы
не одиночки,
мы —
союз борьбы
за освобожденье
рабочего класса. —
Ленинизм идет
все далее
и более
вширь
учениками
Ильичевой выверки.
Кровью
вписан
героизм подполья
в пыль
и в слякоть
бесконечной Володимирки.
Нынче
нами
шар земной заверчен.
Даже
мы
в кремлевских креслах если, —
скольким
вдруг
из-за декретов Нерчинск
кандалами
раззвенится в кресле!

Вам
опять
напомню птичий путь я.
За волчком —
трамваев
электрическая рысь.
Кто
из вас
решетчатые прутья
не царапал
и не грыз?!
Лоб
разбей
о камень стенки тесной, —
за тобою
смыли камеру
и замели.
«Служил ты не долго, но честно
на благо родимой земли».
Полюбилась Ленину
в какой из ссылок
этой песни
траурная сила?

☆

Говорили —
мужичок
своей пойдет дорогой,
заведет
социализм
бесхитростен и прост.
Нет,
и Русь
от труб
становится
сторóгой,

город
дымной бородой оброс.
Не попросят в рай —
пожалуйста,
войдите, —
через трун буржуазии
коммунизма шаг.
Ста крестьянскпм миллионам
пролетарпат — водитель,
Ленин —
пролетариев вожак.
Понаобещает либерал
или эс-эрик прыткий,
сам охочий до рабочих шей.
Ленин
фразочки
с него
пооборвет до нитки
чтоб из книг
снял
в дворянском нагише.
И нам
уже
не разговорцы досужие,
что-де свобода,
что люди братья, —
мы
в марксовом всеоружии
одна
на мир
большевистская партия.
Америку
пересекаешь
в экспрессном купе,
идешь Чухломой —
тебе

в глаза
вонзается теперь
РКП,
и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулково,
перебирая
небесный ларчик.
Но миру
эта
строчная буква
в сто крат красней,
грандиозней
и ярче.

★

Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье
Хочу
спять заставить заново
величественнейшее слово —
партия.
Единица!
Кому она нужна?
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
разве жена!
И то,
если не на базаре,
а близко.

Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких.
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин, —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если
в партию
сгрудились малые, —
сдайся, враг,
замри
и ляг!
Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.
Единица — вздор,
единица— ноль.
один —
даже если
очень важный —

не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.
Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик, а завтра
царства стираю в картея.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья, —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,

мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин.

☆

Еще
горой
коронованные главы,
и буржуи
чернеют,
как вороны в зиме,
но уже
горение
рабочей лавы
по кратеру партии
рвется из-под земель.
Девятое января.
Конец гапоншины.
Падаем,
царским свинцом косимы.
Бредня
о милости царской
прикончена
с бойней Мукденской,
с треском Цусимы.
Довольно!
Не верим
разговорам посторонним
Сами
с оружием
встали пресненцы.
Казалось —
сейчас
покончим с троном,

за ним
и буржуево
кресло треснется.
Ильич уже здесь.
Он изо дня на́ день
проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стопт баррикаде,
ведет
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка —
«свобода».
Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.
А после
«свободной»
медовой недели
речи,
банты
и пения плавные
пушечный рев
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плаванье
царев адмирал,
каратель Дубасов.
Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
о зверствах Чека́!

Смотрите,
как здесь,
связавши за локти.
рабочих насмерть
секли по щекам.
Зверела реакция.
Интеллигентчики
ушли от всего
и все изгадили.
Заперлись дома,
достали свечки,
ладан курят —
богоискатели.
Сам заскулил
товарищ Плеханов:
— Ваша вина,
напутали, братцы!
Вот и пустили
крови лохани!
Нечего
зря
за оружие браться. —
Ленин
в этот скулеж недужный
врезал голос
бодрый и зычный:
— Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подымется
рабочий класс.
Не защита —
нападение

стать должно
лозунгом масс.—
И этот год
в кровавой пене
и эти раны
в рабочем стане
покажутся
школой
первой ступени
в грозе и буре
грядущих восстаний.

☆

И Ленин
снова
в своем изгнании
готовит
нас
перед новой битвой.
Он учит
и сам вбирает знания,
он партию
вновь
собирает разбитую.
Смотри —
забастовки
вздымают год,
еще —
и к восстанью сумеешь сдвинуться ты.
Но вот
из лет
подымается
страшный четырнадцатый.
Так пишут —
солдат-де
раскурит трубку,

балакать пойдет
о походах древних, —
но эту
всемирнейшую мясорубку
к какой приравнять
к Полтаве,
к Плевне?!
Империализм
во всем оголении —
живот наружу,
с вставными зубами,
и море крови
ему по колени —
сжирает страны,
вздымая штыками.
Вокруг него
его подхалимы —
патриоты —
приспособились Вовы —
пишут,
руки предавшие вымыв:
Рабочий,
дерись
до последней крови! —
Земля —
горой
железного лома,
а в ней
человечья
рвань и раваль.
Среди
всего сумасшедшего дома
трезвый
встал
один Циммервальд.

Отсюда
Ленин
с горсточкой товарищей
встал над миром
и поднял над
мысли
ярче
всякого пожарища,
голос
громче
всех канонад.
Оттуда —
миллионы
канонадою в уши,
стотысячесабельной
конницы бег,
отсюда,
против
и сабель и пушек —
скуластый
и лысый
один человек.
— Солдаты!
Буржуи,
предав и прòдав,
к туркам шлют
за Верден,
на Двину.
Довольно!
Превратим
войну народов
в гражданскую войну!
Довольно
разгромов,
смертей и ран, —

у наций
нет
никакой вины.
Против
буржуазии всех стран
подымем
знамя
гражданской войны! —
Думалось:
сразу
пушка-печка
чихнет огнем
и сдунет гнилью, —
потом поди,
ищи человечка,
поди,
вспомнивай его фамилию.
Глоткой орудий,
шипевших и вывших,
друг другу
страны
орут:
— На колени!
Добрались,
и вот
никаких победивших, —
один победил
товарищ Ленин.
Империализма прорва!
Мы
истощили
терпенье ангельское.
Ты
восставшею
Россией прорвана

от Тавриза
и до Архангельска.
Империя —
это тебе не кура!
Клювастый орел
с двухглавою властью.
А мы,
как докуренный окурок,
просто
сплюнули
их династью.
Огромный,
покрытый кровавой ржою,
народ,
голодный и голоштанный,
к советам пойдет
или будет
буржую
таскать,
как и встарь,
из огня каштаны?
— Народ
разорвал
оковы царьи.
Россия в буре,
Россия в грозе, —
читал
Владимир Ильич
в Швейцарии,
дрожа,
волнуясь
над кипой газет.
Но что
по газетным узнаешь клочьям?
На аэроплане
прорваться б ввысь,

туда,
на помощь
к восставшим рабочим, —
одно желанье,
единая мысль.
Поехал,
покорный партийной воле,
в немецком вагоне,
немецкая пломба.
О, если бы
знал
тогда Гогенцоллерн,
что Ленин
и в их монархию бомба!

★

Питерцы
всё еще
всем на радость
лобзались,
скакали детишками малыми,
но в красной ленточке,
слегка припарадясь,
Невский
уже
кишел генералами.
За шагом шаг —
и дойдут до точки,
дойдут
и до полицейского свиста.
Уже
начинают
казать коготочки
буржуи
из лапок своих пушистых.
Сначала мелочь —
вроде малько́в.

Потом повзрослее —
от шпротов до кнлечек.
Потом Дарданельский,
в девичестве Милюков,
за нпм
с коронацией
прет Михальчик.
Премьер
не власть —
вышивание гладью!
Это
тебе
не грубый нарком.
Прямо девушка —
иди и гладь ее!
Истерики закатывает,
поет тенорком.
Еще
не попало
нам
и росинки
от этих самых
февральских свобод,
а у оборонцев
уже хворостинки —
«Марш, марш на фронт,
рабочий народ».
И в довершение
пейзажа славненького,
нас предававшие
и до
и потóм,
вокруг
сторожами,
эс-эры да Савинковы,

меньшевики
ученым котом.
И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик.
И снова
ветер
свежий, крепкий,
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки:
«Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»
— Товарищи! —
и над головами
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил. —
Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья!
Долой
власть
соглашателей и капиталистов!
Мы —
голос
воли низа,

рабочего низа
всего света.
Да здравствует
партия,
строящая коммунизм,
да здравствует
восстание
за власть советов! —
Впервые
перед толпой обалделой
здесь же,
перед тобою,
близ,
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово —
«социализм».
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сняя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.
На толщь
окрутивших
соглашательских веревок
слова Ильича
ударами топора.
И речь
прерывало
обвалами рева:

«Правильно, Ленин!
Верно!
Пора!»
Дом
Кшесинской
за дрыгоножество
подаренный,
нынче —
рабочая блузница.
Сюда течет
фабричное множество,
здесь
закаляется
в ленинской кузнице.
«Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
день твой последний
приходит, буржуй»...
Уж лезем
к сидящим
в хозяйском стуле —
как живете
да что жуете?
Примериваясь,
в июле
за горло потрогали
и за животик.
Буржуевы зубья
ощерились разом.
Раб взбунтовался!
Плетями,
да в кровь его! —
И ручку
Керенского
водят приказом —
на мушку Ленина!

И партия
снова
ушла в подполье.
Ильич на Разливе,
Ильич в Финляндии.
Но ни чердак,
ни шалаш,
ни поле
вождя
не дадут
озверелой банде их.
Ленина не видно,
но он близ.
По тому,
работа движется как,
видна
направляющая
ленинская мысль,
видна
ведущая
ленинская рука.
Словам Ильичевым —
лучшая почва:
падают,
сейчас же
дело растя,
и рядом
уже
с плечом рабочего
плечи
миллионов крестьян.
И когда
осталось
на баррикады выйти,

день
наметив
в ряду недель,
Ленин
сам
явился в Питер:
— Товарищи,
довольно тянуть канитель! -
Гнет капитала,
голод уродина,
войн бандитизм,
интервенция ворья,
будет:
покажутся
более родинок
на теле бабушки,
древней истории.
И оттуда
на дни
оглядываясь эти,
голову
Ленина
взвидишь сперва.
Это
от рабства
десяти тысячелетий
к векам
коммуны
сияющий перевал.
Пройдут
года
сегодняшних тя́гот,
летом коммуны
согреет лета̀,

и счастье
сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.
И тогда
у читающих
ленинские веления,
пожелтевших
декретов
перебирая листки,
выступят
слезы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски.
Когда я
итожу
то, что прóжил,
и роюсь в днях —
ярчайший где,
я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.
Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.

В патронных лентах
внизу пулеметчики.
— Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он
там.
— Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?
В броневики
и на почтамт! —
— Есть! —
повернулся
и скрылся скоро,
и только
на ленте
у флотского
под лампой
блеснуло
— «Аврора».
Кто мчит с приказом,
кто в куче спорящих,
кто щелкал
затвором
на левом колене.
Сюда
с того конца коридорища,
бочком
прошел
незаметный Ленин.
Уже
Ильичем
поведенные в битвы,

еще
    не зная
            его по портретам,
толкались,
            орали,
                    острее бритвы
солдаты друг друга
                        крыли при этом.
И в этой желанной
                    железной буре
Ильич,
        как будто
                    даже заспанный,
шагал,
        становился
                    и глаз, сощуря,
вонзал,
        заложивши
                    руки за́ спину.
В какого-то парня
                    в обмотках,
                                лохматого,
уставил
        без промаха бьющий глаз,
как будто
            сердце
                    с-под слов выматывал,
как будто
            душу
                    тащил из-под фраз.
И знал я,
            что все
                    раскрыто и понято
и этим
        глазом
            наверное выловится —

и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это
фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным —
Власть советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным!
Буржуи
прочли
— погодите,
выловим—
животики пятят
доводом веским, —
ужо им покажут
Духонин с Корниловым,

покажут ужо им
Гучков с Керéнским.
Но фронт
без боя
слова эти взяли —
деревня
и город
декретами залит,
и даже
безграмотным
сердце прожег.
Мы знаем,
не нам,
а им показали,
какое такое бывает
«ужо».
Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»
Дрались
в любом заводе и цехе,
горохом
из городов вытряхали,
а сзади
шаганье октябрьское
метило вехи
пылающих
дворянских усадеб.
Земля—
подстилка под ихними порками,

и вдруг
ее,
как хлебища в узел,
со всеми ручьями ее
и пригорками
крестьянин взял
и зажал, закорузел.
В очках
манжетщики,
злобой похаркав,
ползли туда,
где царство да графство.
Дорожка скатертью!
Мы и кухарку
каждую
выучим
управлять государством!
Мы жили
пока
производством ротаций.
С окопов
летело в немецкие уши:
— Пора кончать!
Выходите брататься! —
И фронт
расползался
в улитке теплушек.
Такую ли
течь
загородите горстью?
Казалось —
наша лодчонка крепится —
вильгельмов сапог,
николаева шпористей,
сотрет
Советской страны границы.

Пошли эс-эры
в плащах распашонкой,
ловили бегущих
в свое словоблудьище,
тащили
по-рыцарски
глупой шпаконкой
красиво
сразить
броневые чудища!
Ильич
петушившимся
крикнул:
— Ни с места!
Пусть партия
взвалит
и это бремя.
Возьмем
передышку похабного Бреста.
Потеря — пространство,
выигрыш — время. —
Чтоб не передóхнуть
нам
в передышку,
чтоб знал —
запомнят удары мои, —
себя
не муштровкой,
сознанием вышколи,
стройся
рядами
Красной Армии.

Историки
с гидрой плакаты выдерут

— чи эта гидра была,
чи нет? —
А мы
знавали
вот эту гидру
в ее
натуральной величине.
«Мы смело в бой пойдем
за власть советов
и, как один, умрем
в борьбе за это!»
Деникин идет.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
подымут очаг.
Тут Врангель вам —
на смену Деникину.
Барона уронят —
уже Колчак.
Мы жрали кору,
ночевка — болотце,
но шли
миллионами красных звезд,
и в каждом — Ильич,
и о каждом заботится
на фронте
в одиннадцать тысяч верст.
Одиннадцать тысяч верст
окружность,
а сколько
вдоль да поперек!
Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый
врага
в подворотнях берёг.

Эс-эр с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
где рубят сплеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.
Эс-эры
целят
не очень верно —
другим концом
да себя же
в бровь.
Но бомб страшнее
и пуль револьверных
осада голода,
осада тифов.
Смотрите —
кружат
над крошками мушки,
сытней им,
чем нам
в осьмнадцатом году, —
простаивали
из-за осьмушки
сутки
в улице
на холоду.
Хотите сажайте,
хотите травите, —
завод за картошку —
кому он жалок!
и десятикорпусный
судостроитель

пыхтел
и визжал
из-за зажигалок.
А у кулаков
и масло и пышки.
Расчет кулаков
простой и верненький:
запрячь хлеба
да зарой в кубышки
николаевки
да кѐренки.
Мы знаем —
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска, —
и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продразверсткой.
Разве
в этакое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед —
в железной диктатуре.

Мы победили,
но мы
в пробоинах:

машина стала.
обшивка —
лохмотья.
Валы обломков!
Лохмотьев обойных!
Идите залейте!
Возьмите и смойте!
Где порт?
Маяки
поломались в порту,
кренимся,
мачтами
волны крестя!
Нас опрокинет —
на правом борту
в сто миллионов
груз крестьян.
В восторге враги
заливаются воя,
но так
лишь Ильич умел и мог, —
он вдруг
повернул
колесо рулевое
сразу
на двадцать румбов вбок.
И сразу тишь,
дивящая даже;
крестьяне
подвозят
к пристани хлеб.
Обычные вывески
— купля —
продажа —

— нэп.
Прищурился Ленин:
— Чините́сь пока чего,
аршину учись,
не научишься —
плох.—
Команду
усталую
берег покачивал.
Мы к буре привыкли,
что за подвох?
Залив
Ильичем
указан глубокий,
и точка
смычки-причала
на́йдена,
и плавно
в мир,
строительству в доки,
вошла
Советских республик громадина.
И Ленин
сам,
где железо,
где дерево,
носил
чинить
пробитое место.
Стальными листами
вздымал
и примеривал
кооперативы,
лавки
и тресты.

И снова
становится
Ленин штурман,
Огни по бортам
впереди и сзади.
Теперь
от абордажей и штурма
мы
перейдем
к трудовой осаде.
Мы
отошли,
рассчитавши точно.
Кто разложился —
на берег
за воротник.
Теперь вперед!
Отступленье окончено.
РКП,
команду на борт!
Коммуна — столетия,
что десять лет для ней?
Вперед —
и в прошлом
скроется нэпчик.
— Мы двинемся
во сто раз медленней,
зато
в миллион
прочней и крепче. —
Под этой
мелкобуржуазной стихией
еще
колышется
мертвая зыбь,

но тихие
тучи
молний выев,
уже
нарастанье
всемирной грозы.
Враг
сменяет
врага поределого,
но будет —
над миром
зажжем небеса,
— но это
уже
полезней проделывать,
чем
об этом писать. —
Теперь,
если пьете
и если едите,
на общий завод ли
идем
с обеда,
мы знаем —
пролетариат — победитель
и Ленин —
организатор победы.
От Коминтерна
до звонких копеек
серпом и молотом
в новой меди
одна
неписанная эпопея —
шагов Ильича
от победы к победе.
Революции —
тяжелые вещи,

один не подымешь —
                согнется нога.
Но Ленин
          меж равными
                был первейший
по силе воли,
              ума рычагам.
Подымаются страны
                одна за одной —
рука Ильича
            указывала верно:
народы —
          черный,
              белый
                и цветной —
становятся
          под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
                непреклонные колонны —
буржуи
        пяти частей света,
вежливо
        приподымая
                цилиндры и короны,
клапяются
          Ильичевой Республике советов.
Нам
    не страшно
              усилие ничье,
мчим
    вперед
          паровозом труда,—
и вдруг
        стопудовая весть —
                с Ильичем
удар.

III

Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозеи.
Еще бы —
такое
не увидишь и в века!
Пятиконечные звезды
выжигали на наших спинах
панские воеводы.
Живьем
по голову в землю —
закапывали нас банды
Мамонтова.
В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом.
Отрекитесь! — ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
Да здравствует коммунизм!
Кресло за креслом,
ряд в ряд
эта сталь,
железо это
вваливалось
двадцать второго января

в пятиэтажное здание
Съезда советов.
Усаживались,
кидались усмешкою,
решали
по́ходя
мелочь дел.
Пора открывать!
Чего они мешкают?
Чего
президиум,
как вырубленный, поредел?
Отчего
глаза
краснее ложи?
Что с Калининым —
держится еле.
Несчастье?
Какое?
Быть не может!
А если с ним?..
Нет!
Неужели?
Потолок
на нас
пошел снижаться вороном.
Опустили головы —
еще нагни!
Задрожали вдруг
и стали черными
люстр расплывшихся огни.
Захлебнулся
колокольчика ненужный щелк.
Превозмог себя
и встал Калинин.

Слезы не сжуешь
с усов и щек.
Выдали.
Блестят у бороды на клине.
Мысли смешались,
голову мнут.
Кровь в виски,
клокочет в вене.
— Вчера
в шесть часов пятьдесят минут
скончался товарищ Ленин! —

★

Этот год
видал,
чего не взвидят сто.
День
векам
войдет
в тоскливое преданье.
Ужас
из железа
выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.
Тяжесть страшная!
Самих себя же
выволакивали волоком.
Разузнать —
когда и как? —
Чего таят!
В улицы
и в переулки
катафалком
плыл
Большой театр.

Радость
ползет улиткой.
У горя
бешеный бег.
Ни солнца,
ни льдины слитка —
всё
сквозь газетное ситко
черный
засеял снег.
На рабочего
у станка
весть набросилась.
Пулей в уме.
И как будто слезы стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
видавший виды,
смерти
в глаз
смотревший не раз,
отвернулся от баб,
но выдала
кулаком
растертая грязь.
Были люди — кремень,
и эти
прикусились,
губу уродуя.
Стариками
рассерьезничались дети,
и как дети
плакали седобородые.
Ветер
всей земле
бессонницею выл,

и никак
восставшей
не додумать до конца,
что вот гроб
в морозной
комнатеночке Москвы
революции
и сына и отца.
Конец,
конец,
конец.
Кого
уверять!
Стекло —
и видите под...
Это
его
несут с Павелецкого
по городу,
взятому им у господ.
Улица,
будто рана сквозная,
так болит
и стонет так.
Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.
Здесь
всё,
что каждое знамя
вышило,

задумано им
и велено им.
Здесь
каждая башня
Ленина слышала,
за ним
пошла бы
в огонь и в дым.
Здесь
Ленина
знает
каждый рабочий,
сердца́ ему
ветками елок стели.
Он в битву вел,
победу пророчил,
и вот
пролетарий —
всего властелин.
Здесь
каждый крестьянин
Ленина имя
в сердце
вписал
любовней, чем в святцы.
Он земли
велел
назвать своими,
что дедам
в гробах,
засеченным, снятся.
И коммунары
с-под площади Красной,
казалось,
шепчут:
— Любимый и милый!

Живи —
и не надо
судьбы прекрасней —
сто раз сразимся
и ляжем в могилы!
Сейчас
прозвучали б
слова чудотворца,
чтоб нам умереть —
и его разбудят, —
плотина улиц
в распашку раствóрится,
и с песней
на смерть
ринутся люди.
Но нету чудес,
и мечтать о них нечего.
Есть Ленин,
гроб
и согнутые плечи.
Он был человек
до конца человечьего —
несп
и казнись
тоской человечьей.
Вовек
такого
бесценного груза
еще
не несли
океаны наши,
как гроб этот красный,
к Дому союзов
плывущий
на спинах рыданий и маршей.

Еще
в караул
вставала в почетный
суровая гвардия
ленинской выправки,
а люди
уже
прожидают, впечатаны
во всю длину
и Тверской
и Димитровки.
В семнадцатом
было —
в очередь дочери
за хлебом не вышлешь —
завтра съем!
Но в эту
холодную
страшную очередь
с детьми и с больными
встали все.
Деревни
строились
с городом рядом.
То мужеством горе,
то детскими вызвенит.
Земля труда
проходила парадом —
живым
итогом
ленинской жизни.
Желтое солнце,
косое и лаковое,
взойдет,
лучами к подножью кидается.

Как будто
забитые,
надежду оплакивая,
склоняясь в горе,
проходят китайцы.
Вплывали
ночи
на спинах дней,
часы мешая,
путая даты.
Как будто
не ночь
и не звезды на ней,
а плачут
над Лениным
негры из Штатов.
Мороз небывалый
жарил подошвы.
А люди
днюют
давкою тесной.
Даже
от холода
бить в ладоши
никто не решается —
нельзя,
неуместно.
Мороз хватает
и тащит,
как будто
пытает,
насколько в любви закаленные.
Врывается в толпы.
В давку запутан,
вступает
вместе с толпой за колонны.

Ступени растут,
разрастаются в риф.
Но вот
затихает
дыханье и пенье,
и страшно ступить —
под ногою обрыв,
бездонный обрыв
в четыре ступени.
Обрыв
от рабства в сто поколений,
где знают
лишь золота звонкий резон.
Обрыв
и край —
это гроб и Ленин,
а дальше —
коммуна
во весь горизонт.
Что увидишь?!
Только лоб его лишь,
и Надежда Константиновна
в тумане
за...
Может быть,
в глаза без слез
увидеть можно
больше.
Не в такие
я смотрел глаза.
Знамен
плывущих
склоняется шелк
последней
почестью о́тданной:

«Прощай же, товарищ,
ты честно прошел
свой доблестный путь благородный».
Страх.
Закрой глаза
и не гляди —
как будто
идешь
по проволоке прóвода.
Как будто
минуту
один-на-один
остался
с огромной
единственной правдой.

*

Я счастлив.
Звенящего марша вода
относит
тело мое невесомое.
Я знаю —
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.
Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься

великому чувству
по имени —
класс.
Знамённые
снова
склоняются крылья,
чтоб завтра
опять
подняться в бой:
«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».
Только б не упасть,
к плечу плечо,
флаги вычернив
и вéками алея,
на последнее
прощанье с Ильичем
шли
и медлили у мавзолея.
Выполняют церемониал.
Говорили речи.
Говорят — и ладно.
Горе вот,
что срок минуты
мал —
разве
весь
охватишь ненаглядный!
Пройдут
и наверх
смотрят с опаской
на черный,
посыпанный снегом кружок.
Как бешено
скачут
стрелки на Спасской.

В минуту —
к последней четверке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!
Остановись,
движенье и жизнь!
Поднявшие молот,
стыньте на месте.
Земля, замри,
ложись и лежи.
Безмолвие.
Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может, из тысячи.
И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.
До боли
раскрыв
убогое зренье,
почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мною
у знамен в озареньи
темный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб
неподвижен и нем.

У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.

★

Но вот
издалёка,
оттуда
из алого
в мороз,
в караул умолкнувший наш
чей-то голос:
«Шагом марш».
Этого приказа
и не нужно даже, —
реже,
ровнее,
тверже дыша,
с трудом
отрывая тела тяжесть,
с площади
вниз
вбиваем шаг.
Каждое знамя
твердыми руками
вновь
над головою
взвито ввысь.
Топота потоп,
сила кругами,

ширясь,
расходится
миру в мысль.
Общая мысль
воедино созвеньена
рабочих,
крестьян
и солдат-рубак:
— Трудно
будет
республике без Ленина!
Надо заменить его —
кем?
И как? —
Довольно
валяться
на перине клóповой!
Товарищ секретарь!
На́ тебе —
вот —
просим приписать
к ячейке еркаповой
сразу,
коллективно,
весь завод...
Смотрят
буржуи,
глазки раскоряча,
дрожат
от топота крепких ног.
Четыреста тысяч
от станка
горячих —
Ленину
первый
партийный венок.

Товарищ секретарь,
берн ручку...
Говорят — заменим...
Надо, мол...
Я уже стар —
берите внучика,
не отстает —
подай комсомол.
Подшефный флот,
подымай якоря,
в море
пора
подводным кротам.
«По морям,
по морям,
нынче здесь,
завтра там».
Выше, солнце!
Будешь свидетель —
скорей
разглаживай траур у рта.
В ногу
взрослым
вступают дети —
тра-та-та-та-та,
та-та-та-та.
«Раз,
два,
три!
Пионеры мы.
Мы фашистов не боимся,
пойдем на штыки».

Напрасно
кулак Европы задран.
Кроем их грохотом.
Назад!
Не сметь!
Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичева смерть.
Уже
над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь
вверх
вздымается
страшным рывком.
С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
вызывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!

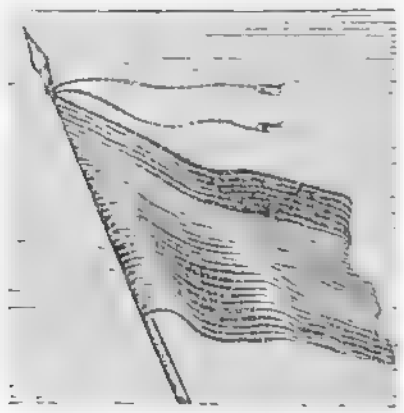
Да здравствует революция
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.

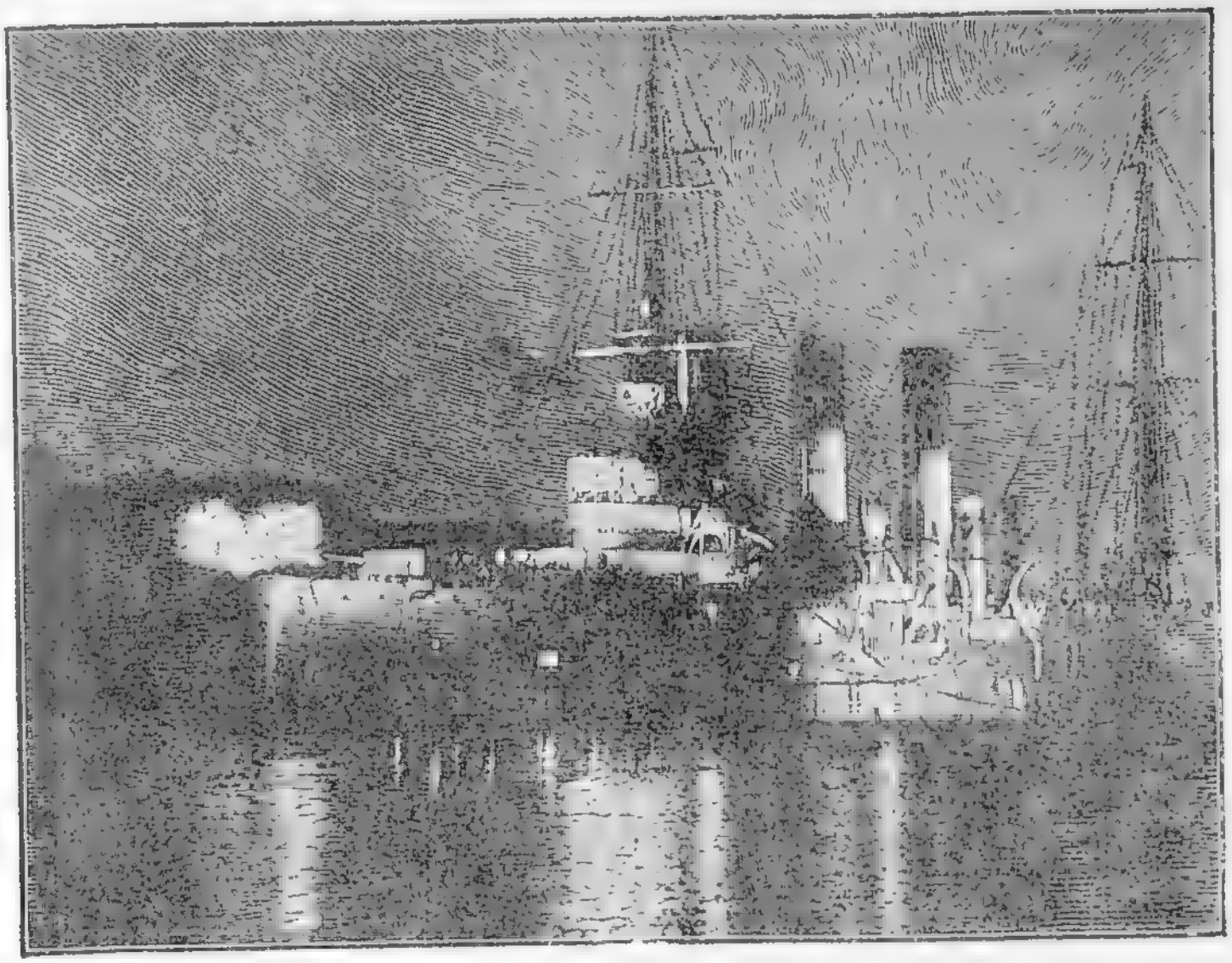
ХОРОШО!

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

★

СТИХИ





Дул,
как всегда,
октябрь
ветра́ми,
как дуют
при капитализме.
За Троцкий
дули
авто и трамы.
обычные
рельсы
вызмеив.

★

«Под мостом
Нева-река.
По Неве
плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься».

☆

В бешеном автомобиле,
покрышки сбивши,
тихий,
вроде
упакованной трубы,
за Гатчину,
забившись,
улепетывал бывший.—
«В рог,
в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..»

☆

«Видят
редких звезд глаза,
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы».

☆

А в Смольном,
в думах
о битве и войске,

Ильич
гримированный мечет шажки,
да перед картою
Подвойский
втыкает
в места атак
флажки.

«Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!
ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы».

☆

Отряды рабочих,
матросов,
голи
дошли,
штыком домерцав,
как будто
руки
сошлись на горле,
холёном
горле
дворца.
Две тени встало,
огромных и шатких.
Сдвинулись.
Лоб о лоб.

И двор
дворцовый
руками решетки
стиснул
торс
толп.
Качались
две
огромных тени
от ветра
и пуль скоростей, —
да пулеметы,
будто
хрустенье
ломаемых костей.
Серчают стоящие павловцы.
«В политику...
начали...
бáловаться...
Куда
против нас
бочкаревским дурам?!
Приказывали б
на штурм».
Но тени
боролись,
спутав лапы, —
и лап
никто
не разнимал и не рвал.
Не выдержав
молчания,
сдавался слабый—
уходил
от испуга,
от нервà.

Первым,
боязнью одолён,
снялся
бабий батальон.
Ушли с батарей
к одиннадцати
михайловцы или константиновцы...
— А Керенский
спрятался,
попробуй
вымань его!
Задумывалась
казачья башка.
И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.

★

И долго
длилось
это молчанье,
молчанье надежд
и молчанье отчаянья.

★

А в Зимнем,
в мягких мебеля́х
с бронзовыми вы́крутами,
сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.

На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.
Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их
потрясут.
Голос — редок.
Шопотом,
знаками.
— Керенский где-то? —
— Он?
За казаками. —
И снова молча.
И только
под вечер:
— Где Прокопович?—
— Нет Прокопóвича. —
А из-за Николаевского
чугунного мостá,
как смерть,
глядит
неласковая
Аврорых
башен
сталь.
И вот
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова.

Шум,
который
гек родником,
теперь
прибоем наваливал.
Кто длинный такой?..
Дотянуться смог!
По каждому
из стекол
удары палки.
Это
из трехдюймовок
шарахнули
форты Петропавловки.
А поверху —
город
как будто взорван —
бабахнула
шестидюймовка Авророва.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна, —
над Петропавловкой
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак.
— Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —

Ворвались.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая,
через юнкеров.
Как будто
водою
комнаты по́лня,
текли,
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали,
жарче полдня,
за каждым диваном,
у каждой портьеры.
По этой
анфиладе,
приветствиями о́ранной
монархам,
несущим
короны-кла́ды, —
бархатными заламп,
раскатистыми коридорами
гремели,
бились
сапоги и приклады.
Какой-то
смущенный
сукин-сын,
а над ним
путиловец — нежней папаши

«Ты,
парнишка,
выкладай
ворованные часы —
часы
теперича
наши!»
Топот рос
и тех
тринадцать
сгреб,
забил,
зашиб,
затыркал.
Забились
под галстук —
за что им приняться?
Как будто
топор
навис над затылком.
За двести шагов...
за тридцать...
за двадцать...
Вбегает
юнкер:
«Драться глупо».
Тринадцать визгов:
— Сдаваться!
Сдаваться! —
А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...
И в эту
тишину —
раскатившийся всласть

бас,
окрепший
над реями рея:
«Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время».
А в Смольном толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.
Впервые
вместо:
и это будет... —
пели:
— и это есть
наш последний... —
До рассвета
осталось
не больше аршина,
руки
лучей
с востока взмóлены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
В Смольный».
Умолк пулемет.
Угодил толкóв.
Умолкнул
пуль
звенящий улей.
Горели,
как звезды,
грани штыков,

бледнели
звезды небес
в карауле.

★

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.
Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы,
уже —
при социализме.

. . . . . .

★

Под ухом
самым
лестница
ступенек на двести.
Несут
минуты-вестницы
по лестнице
вести.
Дни пришли
и топали:
— До́жили,
вот вам, —
нету
то́плив
брюхам
заводовым.

Дымом
небесный
лак помутив,
до самой трубы,
до носа
локомотив
стоит
в заносах.
Положив
на валенки
цветные заплаты,
из ворот,
из железного зёва,
снова
шли,
ухватясь за лопаты
все,
кто мобилизован.
Вышли
за́ лес,
вместе
взялись.
Я ли,
вы ли,
откопали,
вырыли.
И снова
поезд
катит
за снежную
скатерть.
Слабеет
тело
без ед
и питья.
Носилки сделали,

руки сплетя.
Теперь
запевай,
и домой можно —
да на руки
положено
пять обмороженных.

★

Сегодня
на лестнице,
грязной и тусклой,
копались
обывательские
слухи-свиньи.
Деникин
подходит
к самой
к тульской,
к пороховой
сердцевине.
Обулись обыватели,
по пыли печатают
шопотоголосые
кухарочьи хоры:
— Будет...
крупичатая!..
пуды непочатые...
ручьи-ча̀й,
сухари,
сахары́.
Бли-и-и-зко беленькие,
береги кѐренки! —
Но город
проснулся,
в плакаты кадрòванный, —

это партия звала:
«Пролетарий, на коня!»
И красные
скачут
на юг
эскадроны
Мамонтова
нагонять.
Сегодня
день
вбежал второпях,
криком
тишь
порвав,
простреленным
легким
часто хрипя,
упал
и кончался,
кровав.
Кровь
по ступенькам
стекала на пол,
стыла
с пылью пополам
и снова
на пол
каплями
капала.
из-под пули
Капла̀н.
Четверолапые
зашагали,
визг
шел
шакалий.

Салоп
говорит
чуйке,
чуйка
салопу:
— Заерзали
длинноносые щуки!
Скоро
всех
слопают! —

А потом
топырили
глаза-тарелины
В длинную
фамилий
и званий тропу.

Ветер
сдирает
списки расстреляпных,
рвет,
закручивает
и пускает в трубу.

Лапа
класса
лежит на хищнике, —
Лубянская
лапа
Че-Ка.
— Замрите, враги!
Отойдите, лишиньки!
Обыватели!
Смирно!
У очага! —

Миллионный
класс
вставал за Ильича
против
белого
чудовища клыкастого,
и вливалось
в Ленина,
леча,
этой воли
лучшее лекарство.
Хоронились
обыватели
за кухни,
за пеленки.
— Нас не трогайте,
мы — цыпленки.
Мы только мошки,
мы ждем кормежки.
Закройте,
время,
вашу пасть!
Мы обыватели,
нас обувайте вы,
и мы
уже
за вашу власть. —
А утром
небо —
веча зво́нница!
Вчерашний
день
виня во лжи,
расколоко́ливали
птицы и солнце:

жив,
жив,
жив,
жив!
И снова
дни
чередой заводно́й
сбегались
и просили:
— Идем
за нами —
«еще
одно
усилье». —
От боя к труду,
от труда,
до атак,
в голоде,
в холоде
и наготе
держали
взятое,
да так,
что кровь
выступала из-под ногтей.
Я видел
места,
места,
где пижир с айвой
росли
без труда
у рта моего, —
к таким
относишься
йначе.

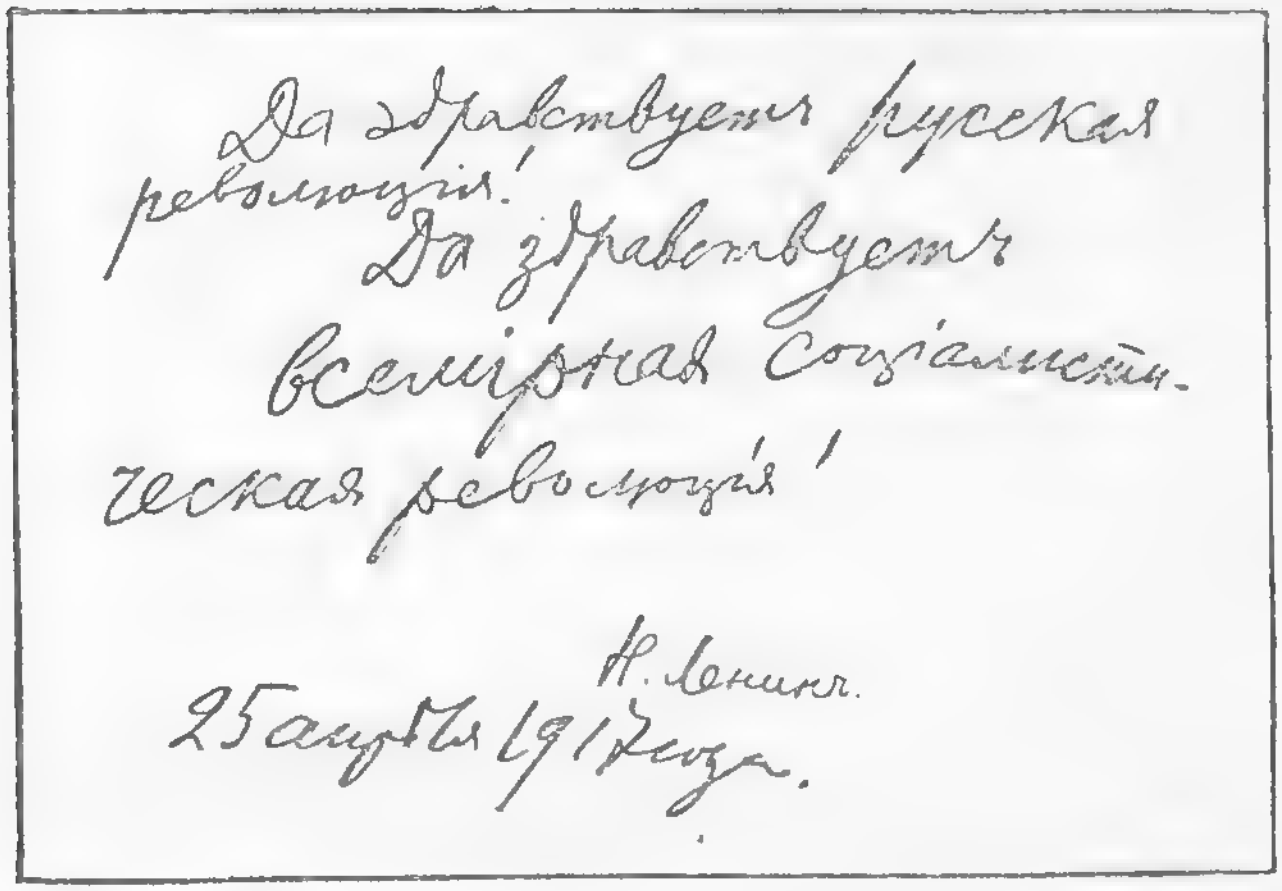
Но землю,
которую
завоевал
и полуживую
выняньчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,
где каплей
льешься с массами, —
с такою
землею
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на́ смерть!

БЮЛЛЕТЕНЬ

МЫ НЕ ВЕРИМ!

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.
Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?
Нет!
не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраницый
грохотать
набатный
ленинский язык.
Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч,
чтоб вихрем не кипел?!
Нет!
не ослабеет ленинская воля
в миллионноспльной воле ВКП.

Разве жар
такой
термометрами мерлется?
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.
Нет!
нет!
не-е-т...
Не хотим,
не верим в белый бюллетень.
С глаз весенних
сгинь, навязчивая тень!


Да здравствует русская революция!
Да здравствует
всемирная социалистическая революция!

Н. Ленин.
25 апреля 1917 года.

ЛЕНИН С НАМИ

Бывают события:
случатся раз,
из сердца
высекут фразу.
И годы
не выдумать
лучших фраз,
чем сказанная —
сразу.

Таков
и в Питер
ленинский въезд

на башне
броневика.
С тех пор
слова
и восторг мой
не ест
Ни день,
ни год,
ни века.
Все так же
вскипают
от этой даты
души
фабрик и хат.
И я
привожу вам
просто цитаты
из сердца
и из стиха.
Февральское пламя
померкло быстро,
в речах
утопили
радость февральскую.
Десять
министров капиталистов
уже
на буржуев
смотрят с лаской.
Купался
Керенский
в своей победе,
задав
революции
адвокатский тон.

Но вот
пошло по заводу:
— Едет!
Едет! —
— Кто едет? —
— Он!
И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик.
Была
простая
машина эта,
как многие,
шла над Невою.
Прошла,
а нынче
по целому свету
дыханье ее
броневое.
И снова
ветер,
свежий и крепкий,
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки.
— Ленин с нами!
Да здравствует Ленин! —

И с этих дней
везде
и во всем
имя Ленина
с нами.
Мы
будем нести,
неслп
и несем —
его,
Ильичево знамя.
— Товарищи! —
и над головами
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил.
— Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья!
Долой
власть
соглашателей и капиталистов! —
Тогда
рабочий,
впервые спрошенный,
еще нестройно
отвечал:
— Готов! —
А сегодня
буржуй
распластан, сброшенный,
и нашей власти —
десять годов.
— Мы —
голос
воли низа,

рабочего низа
всего света.
Да здравствует
партия,
строящая коммунизм!
Да здравствует
восстание
за власть Советов! —
Слова эти
слушали
пушки мордастые,
и щерился
белый,
штыками блестя.
А нынче
Советы и партия
здравствуют
в союзе
с сотней миллионов крестьян.
Впервые
перед толпой обалделой,
здесь же,
перед тобою,
близ —
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово
— «социализм».
А нынче
в упряжку
взяты частники.
Коопов
стосортных
сети вьем,

показываем
ежедневно
в новом участке
социализм
живьем.
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ
Коммуна —
еще
не дело дней,
и мы
еще
в окружении врагов,
но мы
прошли
по дороге к ней
десять
самых трудных шагов.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?
Ноги без мозга— вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.

Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали на вырез.
Военный вздымался вой.
Когда
над миром
вырос
Ленин
огромной головой.
И зѐмли
сели на осп.
Каждый вопрос — прост.
И выявилось
два
в хаосе
мира
во весь рост.
Один —
животище на животище.
Другой —
непреклонно скалистый —
влил в миллионы тыщи.
Встал
горой мускулистой.
Теперь
не промахнемся мимо.
Мы знаем, кого мести!
Ноги знают,
чьими

трупами
им итти.
Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье — «подождем»!
Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.
Пожарами землю дымя,
везде,
где народ исплеиен,
врывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!

И это —
не стихов вееру
обмахивать высокий уют. —
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода ВКП.

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате:
я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.
Рот открыт
в напряженной речи,

усов
щетинка
вздернулась ввысь,
в складках лба
зажата
человечья,
в огромный лоб,
огромная мысль.
Должно быть,
под ним
проходят тысячи...
Лес флагов...
рук трава...
Я встал со стула,
радостью высвечен, —
хочется
итти,
приветствовать,
рапортовать!
«Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адовая
будет
сделана
и делается уже.
Освещаем,
одеваем нищ и о́голь,
ширится
добыча
угля и руды.

А рядом с этим,
конешно,
много,
много
разной
дряни и ерунды.
Устаешь
отбиваться и отгрызаться.
Многие
без вас
отбились от рук.
Очень
много
разных мерзавцев
ходят
по нашей земле
и вокруг.
Нету
им
ни числа,
ни кличек,
целая
лента типов
тянется.
Кулаки и волокитчики,
подхалимы,
сектанты
и пьяницы, —
ходят,
гордо
выпятив груди,
в ручках сплошь
и в значках нагрудных...
Мы их
всех,
конешно, скрутим,

но всех
скрутить
ужасно трудно.
Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и жнивьём,
вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!»

★

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате:
я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
про Октябрь сказать,
не в колокол названивая,
не словами,
украшающими
тепленький уют, —
дать бы
революции
такие же названия,
как любимым
в первый день дают!
Но разве
уместно
слово такое?

Но разве
настали
дни для покоя?
Кто галош приобрел,
кто зонтик;
радуется обыватель:
«Небо голубо!..»
Нет,
в такую ерунду
не расскажёньте
боевую
революцию — любовь.

В сотне улиц
сегодня
на вас,
на меня
упадут огнем знамена.
Будут глотки греметь,
за кордоны катя
огневые слова про Октябрь.

★

Белой гвардии
для меня
белей
имя мертвое: юбилей.
Юбилей — это пепел,
песок и дым;
юбилей —
это радость седым;
юбилей —
это край
кладбищенских ям;
это речи
и фимиам;

остановка предсмертная,
вздохи,
елей —
вот что лезет
из букв
«ю-б-и-л-е-й».
А для нас
юбилей —
ремонт в пути,
постоял —
и дальше гуди.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас —
подсчет рублей.
Сбереженный рубль —
сбереженный заряд,
поражающий вражескнй ряд.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас —
это сплавы лей.
Разобьет
врага
электрический ход
лучше пушек
и лучше пехот.
Юбилей!
А для нас —
подсчет работ,
перемеренный литрами пот.
Знаем:
в графиках
довоенных норм

коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
что бой измельчал:
— Глаз на мелочь! —
приказ Ильича.
Надо
в каждой пылинке
будить уметь
большевистского пафоса медь.
Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту
не будь рассеянный!
Будет:
под ногами
заколеблется почва
почище японских землетрясений.
Молчит
перед боем,
топки глуша,
Англия бастующих шахт.
Пусть
китайский язык
мудрен и велик —
знает каждый и так,
что Кантон
тот же бой ведет,
что в Октябрь вели
наш
рязанский
Иван да Антон.
И в сердце Союза
война.
И даже.
киты батарей
и полки.

Воры
с дураками
засели в блиндажи
растрат
и волокит.
И каждая вывеска:
— рабкооп —
коммунизма тяжелый окоп.
Война в отчетах,
в газетных листах, —
рассчитывай,
режь и крои.
Не наша ли кровь
продолжает хлестать
из красных чернил РКИ?!
И как ни тушили огонь —
нас трое!

Мы
трое
охапки в огонь кидаем:
растет революция
в огнях Волховстроя,
в молчании Лондона,
в пулях Китая.

Нам
девятый Октябрь —
не покой —
не причал.

Сквозь десятки таких девяти
мозг живой,
живая мысль Ильича,
нас
к последней победе веди!

ЛЕНИНЦЫ

Если блокада
нас не сморила,
если
не сожрала
война горяча, —
это потому,
что примером,
мерилом
было слово
и мысль Ильича.
— Вперед,
за республику
лавой атак!
На первый
военный клич! —

Так
велел
защищаться
Ильич!

Втрое,
каждый
станок и верстак,
работу
свою
увеличь!
Так
велел
работать
Ильич.

Наполним
нефтью
республики бак!
Уголь,
расти от добыч!
Так
работать
велел Ильич!
«Снижай себестоимость,
выведи брак», —
гудков
вызывает
зыч, —
так
работать
звал Ильич.
Комбайном
на общую землю наляг.
Огнем
пустыри расфабричь!

Так
советам
велел Ильич.
Сжимай экономией
каждый пятак,
траты
учись стричь, —
так
хозяйничать
звал Ильич.
Огнями ламп
просверливай мрак,
республику
разэлектричь, —
так
велел
рассветиться
Ильич.
Религия — опиум,
религия — враг,
довольно
поповских притч, —
так
жить
велел Ильич.
Достань
бюрократа
под кипой бумаг,
рабочей
ярости
бич, —
так
бороться
велел Ильич.

Не береги
от критики
лак,
чин
в оправданье
не тычь, —
так велел
держаться
Ильич.
«Слева»
не рви
коммунизма флаг,
справа
в унынье не хнычь, —
так
итти
наказал Ильич.
Намордник фашистам!
Довольно
собак
спускать
на рабочую «дич»!
Так велел наступать Ильич.
Не хнычем,
а торжествуем и чествуем.
Ленин с нами,
бессмертен и величав.
По всей вселенной
ширится шествие,
мыслей,
слов
и дел Ильича.

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Смерть
не сметь

Строит,
рушит,
кроит
и рвет,
тихнет,
кипит
и пенится,
гудит,
говорит,
молчит
и ревет —
юная армия:
ленинцы.

Мы
новая кровь
городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
нить.
Ленин —
жил,
Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить.
Залили горем.
Свезли в мавзолей
частицу Ленина —
тело.
Но тленью не взять —
ни земле,
ни золе —
первейшее в Ленине —
дело.
Смерть,
косу положи!
Приговор лжив.
С таким
небесам
не блажить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин —
жив
шаганьем Кремля —

вождя
капиталовых пленников.
Будет жить,
и будет
земля
гордиться именем
Ленина.
Еще
по миру
пройдут мятежи;
сквозь все межи
коммуне
путь проложить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

★

К сведенью смерти,
старой карги,
гонящей в могилу
и старящей:
«Ленин» и «Смерть» —
слова-враги.
«Ленин» и «Жизнь» —
товарищи.
Тверже
печаль держи.
Грудью
в горе прилив.
Нам —
не ныть.

Ленин —
жил
Ленин —
жив
Ленин
будет жить.

★

Ленин рядом.
Вот
он.
Идет
и умрет с нами.
И снова
в каждом рожденном рожден —
как сила,
как знанье,
как знамя.
Земля,
под ногами дрожи.
За все рубежи
слова —
взвивайтесь кружить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

★

Ленин ведь
тоже
начал с азов, —

жизнь —
мастерская гениина.
С низа лет,
с класса низов —
рвись
разгромадиться в Ленина.
Дрожите, дворцов этажи!
Биржа нажив,
будешь
битая
выть.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин —
больше
самых больших,
но даже
и это
диво
создали всех времен
малыши —
мы,
малыши коллектива.
Мускул
узлом вяжи.
Зубы— ножи
в знанье.
Вонзай крошить.
Ленин —
жил.

Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Строит,
рушит,
кроит
и рвет,
тихнет,
кипит
и пенится,
гудит,
молчит,
говорит
и ревет —
юная армия:
ленинцы.
Мы
новая кровь
городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
нить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

Вл. Маяковский

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН — 3
ХОРОШО! (отрывки из поэмы) — 93

СТИХИ

Мы не верим — 113
Ленин с нами — 115
Владимир Ильич — 121
Разговор с товарищем Лениным — 124
Не юбилейте — 128
Ленинцы — 133
Комсомольская — 137

Иллюстрации — гравюры на дереве выполнили гравера:

П. Неутолимов стр. 5, 95
В. Андреев стр. 121, 124, 128, 137
А. Павлов стр. 133

Художник М. Серегин.

* * *

Редактор Е. Цехер.
Технический редактор
А. Цыппо.
Корректор В. Покровская

* * *

Сдано в производство 2 сентября 1938 г. Подписано к печати 10 января 1939 г. Зак. изд. № 240. Инд. Х-40 М39 Тир. 50 000. 4½ п. л. Уч. авт. л. 9. Авт. л. 9. Уполномоченный Главлита А-2685. Формат бумаги 72 × 110½₃₂

* * *

Отпечатано на бумаге Красновишерского бумкомбината им. Менжинского в тип. „Искра революции“ Москва, Филипповский, 13. Зак. тип. № 683.

* * *

Цена в лидериновом переплете 3р. 50 к., в коленкоровом переплете 3 р. 25 к.